

Е.П. Педчак

«Русалка»

Сюжет фантастической баллады «Русалка» прост: погибший витязь не отвечает на любовь русалки, остается «хладен и нем» к «страстным лобзаниям». Баллада очень лирична, и сюжет в ней развивается по музыкальному, мелодическому принципу. Лермонтов в балладе непосредственно обращается к фантастике, по это особая фантастика, не похожая ни на фольклорную, ни на гоголевскую. В фольклорной фантастике русалки обычно завлекают человека, обманывают его, а затем губят. Прельщаясь сладкими обещаниями полубожеств, человек становится жертвой своей неземной и порочной страсти. У Гоголя фантастическое оказывается производным самой реальной действительности, гораздо более фантастичной, нежели всевозможные нелепые выдумки.

У Лермонтова в основе фантастических образов всегда лежит контраст между природой и миром человека. Эти два мира берутся в их отношении к человеку. Романтическое «двоемирие» предстает в балладе не слитно, а разъединение — идеальный или фантастический мир — мыслится независимым от мира реального. Для Лермонтова, как и для других романтиков, присутствие идеального в реальном, а реального в идеальном воспринималось как аксиома.

Лермонтов идет иным путем. Как правило, в его стихах фантастический мир сохраняет явные черты идеального мира, но он начисто отъединен от реальности. Вся поэтическая система «Русалки» мелодически воспроизводит некий идеальный, сказочный мир:

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

И шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

В начальных строфах означены характерные романтические мотивы, свойственные именно Лермонтову. О них напоминают и согласие русалки с природой, и внутренняя гармония самой природы, и «сладкая» звукопись, и плавность ритма, достигаемая сочетанием амфибрахия с анапестом. Словом, мир Лермонтова идеален и фантастичен. Здесь — прекрасное в самом полном своем воплощении: если уж назван песок, то он мягкий, как подушка, и непременно яркий; если тростник, то он обязательно «густой» и дающий тень; если рыбки, то целые стада, и не каких-нибудь обыкновенных рыбешек, а «золотых»; если города, то не иначе как «хрустальные». Все здесь полно жизни, свободы — стада рыбок «гуляют», «мерцание дня» «играет» (заметьте, даже не «день играет» — «мерцание дня»), русалка плывет и поет; река, «шумя и крутясь», колеблет «отраженные в ней облака».

Но в этот волшебный, идеально-фантастический мир, свободный, внутренне умиротворенный, гармоничный и прекрасный, попадает «витязь чужой стороны». Он единственный в этом мире, кто лишен движения («спит», «не дышит, не шепчет»), кто не отвечает на естественное чувство любви, кто «хладен и нем». Сближение русалки, существа идеального мира, с «витязем чужой стороны» оказывается губительным для самой русалки. Мир идеальный несовместим с реальностью, самое присутствие которой в чуждой ей сфере искажает идеальную природу, разрушая ее гармоничность, внося разлад между окружающим русалку природным бытием и ею, вселяя разлад в ее душу:

Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской...

Реальный мир вносит свои противоречия, свои, чуждые естественности отношения в идеально-фантастическое бытие.

Их разобщенность, несовместимость зависят прежде всего от реального человеческого мира, который, несмотря на свою внешнюю пассивность (витязь спит мертвым сном), оказывается злобным, жестоким, противоречивым, уродующим естественные идеальные отношения, несущим гибель и рушащим прекрасную гармонию.

Лермонтов, следовательно, не верит не только в достижимость идеала, но и в самый идеал, который изменяет свою природу, едва к нему прикоснется человеческое, общественное, социальное. Идеал и действительность непримиримо распались.

Именно трагическое несовершенство реальности и человека приводит к гибели идеальной мечты, к разрушению гармонии в прекрасном и фантастическом идеально-чудесном мире. Казалось бы, содержание баллад мифологически обобщено и исторически неконкретно. Однако такой взгляд был бы упрощением сложной мысли Лермонтова. Если красота оборачивается безобразием, а любовь — преступной страстью, извращенной или губительной, то совершенно очевидно, что это может происходить в такой действительности, которая ежеминутно обнажает уродливые свойства, с неизменностью отравляя своим прикосновением и тлетворным дыханием даже идеально-прекрасный мир и его обитателей.

Сталкивая фантастически-идеальное и реальное, поэт приходит к сознанию непреодолимой трагедии всего бытия. Обогащая звучание стиха, Лермонтов сознательно применяет средства звукописи. Чудесный образец его звукописи — «Русалка». В музыке этого стиха, созданной подбором слов, синтаксической структурой и рифмой, большую роль играет искусное нагнетание мягких звуков: «Русалка плыла по реке голубой...» Постоянно чередующиеся сонорные звуки [л], [н], [р] как бы передают шум волн, холодный свет луны и грустную песню плывущей русалки, ее тоски по земному счастью.

В «Русалке» мы встречаем очень редкую комбинацию анапеста с амфибрахией, что создает особый ритм, наполняющий лирическую интонацию баллады светлой элегической грустью.